

Постмодернизм и ценностный кризис европейской исторической науки

Последняя треть XX века в европейских гуманитарных науках, в том числе и в истории, прошла под знаком постмодернизма. В этой статье я постараюсь показать, во-первых, как постмодернистская парадигма истории привела европейскую историческую науку к ценностному кризису, а во-вторых, как проникновение постмодернизма в историю вписано в общественно-политическое развитие Европы.

Несколько предварительных замечаний. Во-первых, постмодернизм охватил, конечно, не всю европейскую историческую науку, вполне традиционные исторические сюжеты по-прежнему имели (и имеют сегодня) для нее большое значение. Однако если говорить о теоретическом осмыслении ценностей и принципов научного исторического познания, то в этом отношении постмодернизм стал ведущей концепцией.

Во-вторых, я придерживаюсь принятого сегодня в исторической науке разделения между философией истории (теория истории, методология истории в данном случае выступают синонимами) и конкретными историческими исследованиями¹. При этом понятие «философия истории» я использую в широком смысле этого слова, не выделяя специальных подразделов, как это иногда делают [23, с. 71; 26].

В-третьих, отечественная традиция описания постмодернизма в европейской исторической науке отличается одной особенностью. Обращение европейских историков к постмодернизму в лучшем случае объясняется естественным развитием гуманитарных наук, в окружении которых находится история – социологии, психологии, антропологии, этнологии, лингвистики [11; 12; 13; 38].

Нередко развитие дискуссий об историческом познании описывается как абстрактный и вовсе не имеющий каких-либо причин процесс. Так, один из ведущих специалистов по постмодернистской европейской историографии М.А. Кукарцева пишет: «Рождаясь в пределах одной теории, релевантные идеи, развиваясь и трансформируясь, обретая новые предикаты и формы существования, становились источниками новых теорий или новых прочтений старых теорий в изменившихся социальных и познавательных ситуациях» [23, с. 62; см. также: 22; 25; 26].

«В первые десятилетия после Второй мировой войны проблема реальности отходит на второй план, все внимание занимает проблема метода в исто-

¹ Об этом разделении см., например: [12].

рических исследованиях», – пишет другой исследователь европейской постмодернистской философии истории О.В. Гавришина, не уточняя, почему же это произошло [11, с. 8].

Даже если утверждается, что историки зависят от времени, в котором они живут, «собственных политических взглядов, а также национальной, религиозной, социальной идентификации», дальше этой констатации дело не движется [см., например: 20; 28; 43]. Каковы особенности этого времени, как определить различные идентификации автора исторического исследования – все это остается загадкой для читателя. Подобная традиция обобщения свойственна и западной литературе, посвященной этой теме [54].

При этом проанализированы общественно-политические причины обращения к постмодернизму российских историков [11; 18].

Общественно-политический контекст развития исторической науки обычно анализируется в работах, касающихся исторической политики и политики памяти в Европе во второй половине XX – начале XXI века [см., например: 28; 29]. Однако в данном случае в центре внимания авторов – отдельные направления исторических исследований, выявление политической подоплеки в деятельности тех или иных историков, а не основополагающие принципы исторической науки.

В итоге политическая реальность и ее влияние на европейскую историческую науку остаются за гранью историографического анализа. Я попытаюсь хотя бы отчасти показать взаимозависимость европейской политики и изучения истории в последней трети XX – начале XXI века.

* * *

Основные принципы и постулаты постмодернизма в целом общеизвестны, поэтому ограничусь их кратким перечислением.

Постмодернизм выступил против всего того, что составляло суть Модерна, понимаемого как целостный проект Европейского Просвещения. Постмодернизм отверг универсализм, веру в разум, идею прогресса, целостность человеческого восприятия мира, единство исторического процесса, а также любые правила и принципы, претендующие на истинность, всеобщность, неизменность. В качестве главной ценности постмодернизм заявил отсутствие таковой, провозгласил неограниченное право каждого на индивидуальный выбор целей и способов действий на основе своего микроопыта. Отсюда – приоритет центробежным тенденциям, локализации, фрагментации, хаотическому плюрализму в осмыслении действительности, сосуществованию различных концептуальных подходов, в том числе взаимоисключающих, индивидуальным языкам описания окружающего мира, смысловым искажениям как норме, разнородным языковым играм, свести которые в целостное и осмысленное единство принципиально невозможно. Как писал известный социолог постмодерна Зигмунд Бауман, для постмодернизма «характерна необходимость жить в мире, полном двусмысленностей и неопределенности» [44, р. 12].

Помимо этого постмодернисты объявили о наступлении эпохи раскрепощения, освобождения человека от исторической ответственности, о том, что человек может жить сиюминутным, не обременяя себя большими целями.

Большинство исследователей, в том числе и сами постмодернисты, начинают историю постмодернизма как, по сути, нового европейского мировоззрения с 1968 года [9, с. 16]¹. Тогда массовые протестные движения молодежи приобрели особый размах во Франции – на родине ведущих постструктура-

¹ До этого постмодернизм был известен преимущественно как название одного из направлений в искусстве.

листных теоретиков, многие из которых стали идейными вдохновителями протеста. Так, один из ведущих теоретиков постмодернизма Жан-Франсуа Лиотар, автор знаменитой работы 1979 года «Состояние постмодерна», в то время был участником французской леворадикальной группы «Социализм и варварство».

Научную предпосылку постмодернизма как новой методологии гуманитарных наук нередко видят в структурализме. Как известно, Клод Леви-Стросс и другие структуралисты, посвятившие себя анализу языка как способу передачи сообщений, пришли к выводу: любой символ/знак, взятый в отдельности, не передает содержание сообщения. Постмодернисты, объявившие себя постструктуралистами (Жан Бодрийяр, Жиль Делез), сделали следующий шаг: поскольку отдельное слово может принимать множество значений или заменяться синонимами, то смысл и значение выявляются только в соотнесении с другими словами в целостной фразе/высказывании. Это стало одним из основополагающих принципов постмодернистского отношения к окружающему миру.

Кроме того, постмодернизм, видимо, не случайно возник в постколониальную эпоху, когда на исторической арене в качестве активных игроков появились меньшинства различного рода – религиозные, этнические, сексуальные, региональные¹. На это время пришелся и бум феминизма. Постмодернизм с его отрицанием единого исторического процесса, принципом множественности как бы легитимизировал появление этих меньшинств как полноправных участников общественно-политической жизни, причем со своими собственными историями и воспоминаниями. Как отмечает Ю.Н. Давыдов, не случайно постмодернизм «так стремительно стал идеологией сексуальных меньшинств, обнаруживших растущую озабоченность не просто самосохранением, но и политической властью» [14, с. 710].

Несомненно, постмодернизм оказал сильное влияние на политическую теорию и практику Европы. Отношение к окружающему миру как к хаосу привело к восприятию стратегической нестабильности как нормы для мирового устройства. Уместно вспомнить идею Стивена Манна о тотальном индивидуализме как важнейшей предпосылке создания «управляемого хаоса».

Объявленный постмодернистами принципиальный плюрализм в отношении действительности, невозможность и ненужность поиска истины способствовали размыванию границ между понятиями «добро» и «зло», «правда» и «ложь». Следствием этого стало возникновение так называемых двойных стандартов.

В области теории государства и международных отношений постмодернисты выступили за размывание суверенитета, принцип мягкого правления, стимулирующие, но не единые законы, частичное гражданство, возрастание транснациональной власти. Вместо традиционных демократических процедур – выборов – они отдали приоритет прямым формам участия населения в политике, массовым низовым движениям, массовым протестам, манифестациям, горизонтальным связям, сетевой самоорганизации, флешмобам [21, с. 148–150; 35; 48; 53]. Причем – в игровых формах [5, с. 73–74; 21, с. 150]. Ж. Бодрийяр еще в 1980-х годах писал: «Масса не приемлет смысла и “интересуется лишь знаковой”, коммуникация для нее – непрерывное поглощение знаков, обусловленное жаждой зрелища» [8].

Очевидно, что в постмодернизме можно увидеть и предпосылки цветных революций, и обоснование политики мягкой силы, настойчиво осуществлявшейся в том числе и на постсоветском пространстве последние двадцать пять лет.

В связи с этим кажутся удивительными утверждения, что постмодернизм «обеспечил сдвиг политической мысли и официальных доктрин Запада в сторону неконфронтационного, диалогового мышления» [21, с. 152].

¹ О меньшинствах как новых исторических акторах см. подробнее: [30; 31].

Постмодернизм «ответствен» и за информационную политику особого рода. Как отмечает российский социолог Т.З. Адамьянц, «центр тяжести современных социальных процессов, от самых мелких до мировых, сегодня как никогда связан со сферой разума, с умением людей адекватно понимать и интерпретировать – события, тексты, автора, друг друга... Адекватное восприятие связано с *пониманием* константного смысла (при праве не согласиться с ним). Поскольку процентная составляющая числа людей, способных к адекватному восприятию, гораздо меньше, чем тех, кто такими навыками не обладает, существует обширнейшее поле для манипуляций, обманов и необоснованных фантазий недобросовестных политиков, журналистов и авторов» [1].

* * *

В исторической науке влияние постмодернизма было также во многом разрушительным. Постмодернизм отверг основные принципы и ценности исторической науки модерна – истинность, объективность, возможность и необходимость верификации и доказательности выдвигаемых аргументов, поступательное развитие истории, познаваемость исторического прошлого, принцип закономерности исторического процесса, наличие причинно-следственных связей между событиями, макроисторию (метанарратив) как таковую.

Как у любого человека в рамках постмодернистской картины мира, у историка нет никаких четких ориентиров. Грани прошлого бесконечны и представляют собой многочисленные разнонаправленные потоки. Реальны только отдельные события, но не исторические процессы.

Принципиальным и имеющим важные общественно-политические последствия мне кажется утверждение постмодернистов о разрыве между прошлым и настоящим [9]. Для становления настоящего значение прошлого невелико, оно всего лишь прошлое настоящего. Причем это прошлое принципиально непознаваемо. И здесь постмодернисты от истории создали новую и достаточно цельную методологию, в центре которой – так называемый лингвистический поворот.

«Текст повсюду, и все кругом – текст» – так коротко сформулировал новую философию истории один из ведущих постмодернистских теоретиков французский философ Ролан Барт.

Между историком и событием, которое он изучает, стоит письменный источник – текст. Историк оказывается пленником языковых структур, дискурса, причем пленником двойного рода [см., например: 15; 16; 39; 40]. Письменный источник не является отражением прошлого, события искажены автором текста из-за его субъективности, тенденциозности, преднамеренной лжи или искреннего заблуждения. Но когда текст источника начинает интерпретировать историк, искажения возрастают. Даже если ученый сможет достигнуть максимального понимания замысла автора, его мировоззрения, того, чего он не сказал и почему не сказал – все равно, текст стоит непреодолимой преградой между историком и событием.

Объект познания историка (субъекта познания) – это то, что сконструировано языковой практикой. Поэтому историк имеет дело не с реальностью прошлого, а с текстом или языком. Но сам язык при этом – не средство отражения реальности, а главный фактор, определяющий мышление и поведение [33; 34]. То, что историк «открыл» в результате своей интерпретации текста – это не «прошлое», не «социальный и культурный контекст», а всего лишь механизм самого текста. Границы текста – это границы мира [3; 11, с. 8; 19; 20, с. 278–282; 37].

Поэтому не существует ни прошлой реальности, ни объективного подхода к его изучению. Есть нарратив, репрезентирующий прошлое, который и есть собственно история [11, с. 6–8; 20, с. 279; 50, р. 102].

Постмодернисты объявили: «Автор умер» (Барт).

Что же тогда остается истории как науке? Наиболее жестко ответ на этот вопрос сформулировал Хейден Уайт: история есть не более чем «операция создания вербального вымысла». Иначе говоря, история – это своего рода литература. Более того, литература нередко даже предпочтительнее исторического познания, потому что первая более эстетически привлекательна, чем вторая.

Как отмечает М.А. Кукарцева, «лингвистический поворот... взорвал границы между историей и литературой» [22, с. 10]. Эстетическая составляющая в историописании оказалась важнее достижения истины.

По сути, в постмодернистской концепции науки места для истории не осталось. «История далека от сущностных начал, от абстрактного мышления, интерпретации смысловой логики письменного языка и, стало быть, далека от возможности познания», поэтому приоритет должен быть отдан синтезу лингвистики, филологии и философии [20, с. 282–283; 43, с. 36–39].

Пока философы и социологи разрабатывали новые принципы теории истории, в 1970-х годах начались качественные изменения в самой европейской исторической науке. Начиная с 1970-х годов одним из ведущих направлений исторических исследований становится проблематика коллективной памяти и связанной с ней коллективной идентичности. Как из рога изобилия посыпались работы ученых, касавшиеся соотношения коллективной памяти с памятью индивидуальной, общенациональной памятью и памятью различных социокультурных групп. Правда, у подавляющего большинства этих работ была одна общая черта – изучалась память о трагическом прошлом. Холокост, войны, эпидемии, нацизм, коллаборационизм – все эти явления стали изучаться в массовом порядке. Популярность этих тем была настолько ошеломляющей, что по аналогии с лингвистическим поворотом появился термин «мемориальный поворот». Известный исследователь коллективной памяти французов Пьер Нора в связи с этим утверждал, что произошла победа памяти над историей. В том смысле, что вместо научного изучения прошлого ученые стали заниматься воспроизводством воспоминаний о нем – воспоминаний как собственных, так и объектов своего изучения.

Так или иначе, в конкретных исторических исследованиях, как и в теории истории, под ударом оказались основополагающие принципы позитивистского подхода к изучению прошлого. В первую очередь пострадали такие ценности, как претензия на воссоздание прошлого объективно и беспристрастно, стремление встроить изученный сюжет в большой исторический нарратив, найти причинно-следственные связи тех или иных событий и т.п.

В литературе нет единства в вопросе о том, является ли обращение историков к проблематике памяти и распространение постмодернистской философии истории случайным совпадением. Так, один из крупнейших методологов истории, немецкий историк Йорн Рюзен, пишет: «Историческая память как самостоятельная тема для изучения возникла вместе с постмодернистскими подходами в истории» [36, с. 22]. Однако, скажем, Патрик Хаттон в книге «История как искусство памяти» утверждает, что постмодернизм с его презрением к сакральности во многом нивелировал значение памяти в истории и настоящем, подвергая память деконструкции. По мнению Хаттона, постмодернистский подход к истории может окончательно подорвать социальную способность к памяти [41].

По-настоящему постмодернистскими направлениями в европейской исторической науке стали микроистория, история повседневности, устная история, история быта, история ментальности. Йорн Рюзен утверждает, что микроистория, а не память стала «основной формой изучения прошлого».

В микроистории «показывается не общество или класс, а простой человек, вместо эпохи или длительного периода развития рассматриваются жизнь или

даже несколько дней, не столетие, а день, не государство или империя, а маленькая деревня» [41, с. 21]. Очевидно, что такая история отвечает требованию постмодернистов отказаться от метанарратива, связывающего прошлое с настоящим в относительно единую историческую линию, позволяет смотреть на прошлое как на фрагменты и куски ушедшей реальности, никак не связанные с нынешним днем, в том числе – и посредством коллективной памяти. Как пишет Рюзен, так «прошлое может приобрести свою собственную значимость», собственное достоинство [41, с. 19]. Точно так же целью истории повседневности, как и истории ментальностей, было заявлено стремление «погрузиться в прошлое», «восстановить его дух» [2; 20, с. 278]. Напрямую с постмодернизмом оказалось связано изучение истории различных меньшинств. Или, как называет их Рюзен, жертв модернизации – низших классов, меньшинств и женщин [41, с. 22].

Историческая наука с ее современными, позитивистскими ценностями, объявленная постмодернистами лишней, оказалась в кризисе. Под влиянием постмодернизма многие европейские историки, по сути, отказались от методов и принципов собственной дисциплины. Стало модным исследовать прошлое с помощью методов социологии, антропологии, этнологии, филологии, лингвистики, психологии. Но этот отказ не прошел бесследно. Как представляется, он сильно ударил по онтологическим основаниям исторического познания, сделал возможным представление об истории как по большей части прикладной дисциплине. Результатом этого стала нарастающая последние двадцать лет популярность *public history* – изучения истории как одной из составляющих медийного пространства¹.

* * *

К каким же общественно-политическим последствиям привел постмодернистский поворот европейской исторической науки?

Во-первых, стало доминировать представление о ключевой роли автора исследования, субъективности как краеугольного камня исторического познания. Оказалось, что историк не может заниматься поиском истины, установлением объективных и достоверных фактов о прошлом, потому что все определяется сознанием самого историка, его мировоззрением. Вместо реконструкции прошлого историк на самом деле имеет (и всегда имел) дело с его конструированием.

При всей привлекательности такого подхода в итоге он способствовал отрицанию авторитетов, оказалась возможна любая точка зрения и одновременное существование множества позиций. Исчезли критерии истинности и достоверности. Как возможно определить, чья история о прошлом более достоверна, если изначально полагать, что все они в равной мере субъективны? Истина постулируется как ненужная, а на самом деле становится недостижимой.

Но если историки отказываются от своей традиционной роли хранителей правды о прошлом, то это не означает, что людям эта правда больше не нужна. Так возникает политика памяти, а сама история как знание правды о прошлом становится уделом политики. Видимо, не случайно исследователи исторической политики (как, например, А.И. Миллер) датируют ее появление 1980-ми годами. Кроме того, становятся нормой двойные стандарты – тем самым в европейской исторической науке отражается общий ценностный кризис европейского общества.

Во-вторых, представляется знаковым интерес европейских историков к коллективной памяти и идентичности. По времени он совпал с окончанием

¹ Подробнее о дискуссиях по поводу прикладных функций исторической науки и *public history* см.: [2].

в общих чертах процесса деколонизации. Однако, как показала последующая история, уходя из своих колоний, Запад не собирался покидать их совсем, в постколониальном мире всего лишь сменились способы управления и влияния. «Память как средство образования идентичности и ориентации практической жизни» [41, с. 22] оказалась важным инструментом так называемой «мягкой силы». Изучение процессов запоминания и забывания, способов формирования представлений людей о своем прошлом, очевидно, помогало пониманию того, как выстраивать нужные коллективные идентичности, нужные исторические образы. Рюзен вполне откровенно пишет о той роли, которую играют исторические исследования: как составляющая часть коллективной памяти они «реализуют политическую стратегию коллективной памяти. Она помещает исследования историков в область борьбы за власть и делает их необходимым средством обоснования и развенчания всех форм господства и управления» [41, с. 14].

Это только предположение, но, видимо, есть какая-то связь между обращением европейских историков к проблематике памяти и идентичности и западной политической стратегией «мягкой силы».

В-третьих, еще одна составляющая «мягкой силы» – это манипулирование различными интерпретациями. Представляется, что постмодернистская философия истории сыграла в этом не последнюю роль. Как пишет руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН, главный редактор Федерального портала «История.РФ» М.С. Бобкова, «...релятивизм... невероятно удобен в контексте современности, так как... с его помощью можно уничтожать и изменять дискурсы. Именно это в условиях историзации политики зачастую и происходит с презентацией прошлого в средствах массовой информации... Поэтому существующий неуправляемый и бесконечный хаос в современном сознании... является хаосом управляемым в самом широком понимании, потому что он подчинен теоретическим манипуляциям классического сознания, которые могут исходить как из научных и профессиональных кругов (историки или исследователи истории), так и от социальных единиц, имеющих представление о природе постмодерна (например, политические технологии)» [7].

Утверждение постмодернистов, что исторический текст видоизменяется при каждом новом прочтении, привело к изменению категории «смысла». Оказалось, что смыслов может быть неизмеримо много и они носят личностный характер. Как отмечает Т.З. Адамьянц, «идеи постмодернизма и развившиеся в его рамках современные герменевтические концепции, декларирующие множественность и личностный характер смыслов» являются источником для «произвольных трактовок и приписывания новых значений и смыслов каноническим текстам, авторским произведениям, историческим событиям, реальным фактам» [1]. В то время как в модерне признавалась множественность смыслов и значений только для личностных картин мира.

В итоге сегодня мы наблюдаем «бесконечные, параллельные, противоречащие друг другу, самооправдательные нарративы, в изобилии предлагаемые нашему вниманию со страниц газет и журналов, экранов телевизоров, кинематографом, учебниками истории и политическими трибунами, нарративы, в любой момент открытые коррекции во всех направлениях», которые поистине становятся «мощной политической силой» [24, с. 12].

Следствием этого стало убеждение в том, что любой объект исследования может быть придуман, сконструирован. Как писал профессор английского языка в Государственном университете Северной Каролины Х. Кёллнер, история – это мощные образы, «которые лучше всего могут быть поняты как сотворенные объекты, модели, метафоры или гипотезы реальности» [49; цит. по: 24, с. 15].

Один из виднейших теоретиков истории, много размышлявший над постмодернизмом, профессор Кембриджского университета Питер Берк еще в 1992–1993 годах пророчески говорил: «Лично я думаю, что этот протест зашел слишком далеко и что люди говорят: давайте скажем, что мы изобрели Шотландию или вообще что-нибудь еще, не подумав о проблеме: а могут ли люди изобретать любую нацию, любую социальную группу, которую они хотят? Нет ли здесь внешних ограничений?» [цит. по: 24, с. 14].

По всей видимости, опасения Берка оказались ненапряженными, и существует определенная связь между постмодернистской философией истории и, скажем, провозглашением и признанием независимости Косово [24, с. 14].

В-четвертых, новая парадигма исторического мышления родилась из отрицания объективизма, критики стремления историков найти и утвердить истину о прошлом. Это стремление действительно нередко приводило к довольно вольному обращению как с категорией истины, так и с самим прошлым. Однако утверждение постмодернистов, что историки не воссоздают прошлое, а конструируют его, их убеждение в разрыве между прошлым и настоящим, в принципиальной непознаваемости прошлого таким, каким оно было на самом деле, привело к гораздо большей по своим масштабам манипуляции историей в политических целях.

Исторической интерпретации придали новый смысл – она не может объяснить прошлое и то, как из него получилось настоящее, а только создает видимость этого. Единственная цель исторической интерпретации – оправдать существующий общественный дискурс, потребности текущего момента, политическую целесообразность того или иного решения государственной власти и т.п.

Истина обретает контекстуальный характер. Так, Кёллнер, отвечая на вопрос, что такое истина, не скрывает: «Истина – это то, что правдоподобно и убедительно для универсальной аудитории. Но я сомневаюсь в существовании универсальной аудитории в рамках какого-либо человеческого опыта. Это – разновидность идеалистического понятия так же, как и сама идея истины. То, что мы имеем, есть рассказы, истинные для данного пространства и времени. И, как я недавно написал в одной своей работе, посвященной проблеме исторической репрезентации Холокоста, нашей этической ответственностью, как людей, живущих в истории и размышляющих о прошлом, является созидание и поддержание мира настоящего. В нем то видение истории, которое мы считаем истинным и важным, должно оставаться непосредственным и вызывающим доверие» [17, с. 62].

В таком же духе рассуждает Рюзен: смысл истории больше, чем объективный поиск истины, смысл истории напрямую связан с ее политической актуальностью. История «раскрывает духовную силу своего ведущего принципа смысла, который нельзя осознать, лишь [признавая] требования истинности и объективности в качестве сути метода эмпирических исследований. Она должна понять, что познавательные процедуры получения надежного и обоснованного знания из эмпирических свидетельств прошлого всегда существенным образом связаны с эстетическими принципами репрезентации и с политическими принципами использования прошлого в культурных рамках сегодняшней человеческой деятельности». Говоря иначе, история должна быть написана так, чтобы казаться «правдоподобной» (термин Рюзена) сообществу, которому она адресована, отражать его ценности и нормы, вызывать согласие в обществе – тогда история будет понята обществом, востребована властью. В этом и состоит ее культурная функция, которая, подчеркивает Рюзен, важнее поиска истины в прошлом [41, с. 24].

Л. Госсмен, поддерживая Рюзена, в свою очередь, утверждает: знание прошлого с точки зрения «культурного развития» «гораздо более важное, чем знание самого исторического объекта» [цит. по: 24, с. 23].

Во многом аналогичные интенции можно встретить в работе Анкерсмита «Возвышенный исторический опыт». Так, он призывает изучать исторический опыт как способ нации, сообщества, цивилизации осознать неотвратимую реальность прошлого [4, с. 494].

Как представляется, эти призывы ведущих европейских историков-методологов уводят европейскую историческую науку еще дальше от научного познания прошлого. Общественный консенсус и оправдание политических шагов как главная цель исторической науки окончательно уничтожают ее в привычном, классическом, модерном понимании, которое все-таки еще не окончательно поколеблено в Европе.

* * *

К концу 1990-х годов дискуссии о постмодернистской философии истории стали сходиться на нет, хотя адекватный ответ на постмодернистский вызов найден не был [20, с. 283; 32]. Тем не менее ведущие методологи истории заговорили о кризисе постмодернизма [17].

Научные причины отказа от постмодернизма историки нашли достаточно быстро. Во-первых, «критикуя своих предшественников, представители нового направления [постмодернисты] так и не смогли создать яркие образцы конкретно-исторических исследований по тематике своих идейных оппонентов – историков-традиционалистов». Работы постмодернистов «носят в значительной мере элитарный характер и ближе к литературным произведениям, чем к традиционным историографическим жанрам, поэтому не могут составить реальную конкуренцию последним» [38, с. 71; 45; 46].

Как отметил Пьер Бурдьё: «Постмодернисты занимаются постмодерном, чтобы уклониться от исторической работы (они не сумели бы, да и не захотели бы ее делать)» [10; цит. по: 32].

Во-вторых, некоторые методологи истории стали писать о том, что прошлое не полностью заключено в текст [26; 52]. В качестве альтернативы понятиям дискурса и нарратива Анкерсмит предложил термин «исторический опыт» [3; 11; 50, р. 274].

Философ истории Мюррей Мерфи отмечает в своем исследовании «Истина и история»: «Вся теория прошлого так или иначе подтверждена оставшими свидетельствами. Теоретические сущности не есть лингвистические. То, что читатель, который думает, что читает историю Гражданской войны в США, на самом деле читает нарратив о лингвистических явлениях, созданных историком, превращает историю в посмешище. Однако свидетельства о падении Вискбурга говорят не о лингвистических явлениях, а о падении Вискбурга... Кварк невидим, но это не значит, что он только лингвистическое явление. Точно так же генералы Шерман и Грант. Ни тот, ни другой не являются исключительно лингвистическими явлениями. И погибшие в сражении за Вискбург погибли не от лингвистических пуль» [51; цит. по: 32].

В-третьих, стали популярны отсылки к количественным показателям – «большие коллективные труды, общеевропейские серии, отклики на книги» – как к свидетельствам «замечательной жизнеспособности и прежней изобретательности исторической науки» [42, с. 194–195]. Так, Анкерсмит объявил, что прогресс в историописании – это рост количества исторических работ, которые не могут быть отвергнуты, забыты спустя время и после смены парадигм [4, с. 502].

В-четвертых, оказалось, что без макроистории, метанарратива историческая наука все-таки не может существовать. Как подчеркнул Рюзен, «акцент на микроистории в условиях жизни в макроисторическом процессе выглядит как стремление отмахнуться от бросающего вызов опыта вме-

сто того, чтобы осмыслить его при помощи исторической интерпретации»¹ [41, с. 25].

Однако падению авторитета постмодернизма, как представляется, можно найти и причину политического свойства. Позволю себе предположить, что в конце XX века постмодернистская концепция истории перестала быть релевантной политическим и общественным процессам, происходящим в Европе.

Вторая половина XX века прошла под эгидой освобождения различных меньшинств, высвобождения человеческих инстинктов. Эта общественно-политическая повестка была одной из центральных в Европе, начиная с 1960-х годов. Постмодернизм дал научное, философское обоснование общества толерантности, мультикультурализма, гедонизма, различного рода раскрепощения личности, общества потребления. Но к концу 1990-х годов оказались востребованы совсем другие идеи. А именно – обоснование единства Европы, легитимация ее объединения и унификации.

Постмодернистская методология истории плохо подходила для этой задачи. Методологи истории вновь заговорили о ценности современного понимания исторического познания, однако с учетом достижений постмодерна.

На этой волне в 2000-х годах стало стремительно набирать популярность такое новое историческое направление как кросс-культурный анализ – изучение точек пересечения и взаимовлияния различного масштаба: начиная с национальных культур и заканчивая историографическими традициями. К этому направлению примыкает «перекрестная история» (“*histoire croisee*”, “*shared history*”), а также история трансферов [подробнее см.: 6].

В 2002 году под редакцией Йорна Рюзена вышла книга «Западное историческое мышление. Кросс-культурные дебаты» (“*Western Historical Thinking. An Intercultural Debate*”), в которой обсуждались принципы западного исторического мышления в противовес незападному, а также возможности для общей исторической идентичности Европы [54].

В 2004 году возникла европейская Сеть современной истории. Ее главной целью декларировалось преодоление национально ориентированных историографических традиций, активизация изучения «общеευропейской» проблематики, создание обобщающих работ по истории европейской памяти. Количество европейских институтов и журналов, являющихся участниками этого объединения, поражает воображение.

Поиск в прошлом объединяющих начал нашел отражение в первом франко-немецком учебнике истории XX века [47].

В 2006 году на II конгрессе по философии истории (II International Congress for Philosophy of History. *Rewriting Social Memory*) Рюзен выступил с программным докладом «Направленные в будущее элементы европейской исторической культуры». В этом докладе он довольно откровенно заявил, что в условиях расширения Европейского Союза перед европейскими историками встала новая задача – легитимировать единство Европы не только политически и культурно-цивилизационно, но и исторически. Процесс европейской унификации сегодня переживает кризис, говорил Рюзен: растет разочарование людей в политике расширения Евросоюза. В этой связи необходимо найти убедительные основания такой унификации, которые «находятся в исторической культуре как в процедурах и институтах интерпретации прошлого в целях понимания настоящего и выявления перспектив будущей жизни. Эти процедуры и институты включают в себя политику памяти в ее разных вариантах: таких, как обучение истории в школах, возведение памятников и монументов, функционирование исторических

¹ Об этом же пишет американский историк Аллан Мегилл в послесловии к русскому изданию книги Э. Домански «Философия истории после постмодернизма». См.: [27].

музеев, публичные дебаты о прошлом, а также эстетические репрезентации прошлого и когнитивные усилия всех академических дисциплин» [цит. по: 24, с. 23].

Кроме того, изучение профессиональными историками единого европейского пространства и общего прошлого сочетается с активным распространением специальных академических программ, ориентированных на сплочение общества в приграничных регионах (например, на границе Германии и Польши), где транснациональная общность наталкивается на «исторические травмы»¹.

Подводя итоги. Европейская историческая наука оказалась в состоянии ценностного кризиса в двух аспектах. С одной стороны, постмодернизм разгромил традиционные, доминировавшие в исторической науке с XVIII века представления о целях и возможностях исторического познания. С другой стороны, восприняв принципы постмодернизма как основополагающие, историческое познание как таковое обесценилось. В итоге постмодернистская философия истории подготовила почву для того, против чего она формально изначально выступила, – для возможности манипуляции историческим прошлым, исходя из политических задач и потребностей настоящего.

По всей видимости, именно в этом кроются причины откровенности, с которой в 2000-х годах европейские историки занялись легитимацией «европейского единства».

Литература

1. *Адамьянц Т.З.* Почему возможны двойные стандарты? // Блог Т.З. Адамьянц. Сайт Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/blog_ad_26.html
2. *Аккерманн, Феликс; Аккерманн, Якоб; Литтке, Анна; Ниссер, Жаклин; Томанн, Юлиане.* Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html>
3. *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
4. *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
5. *Бауман З.* Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4.
6. *Бибиков Г.Н., Бибикова Л.В.* Методология современной истории: историографический очерк. М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2011.
7. *Бобкова М.* Чем определяется медийный образ истории? // История.РФ. 2015. 29 апреля. URL: <http://histrf.ru/ru/uchenim/otkritoe-obsuzhdenie/post-1276>
8. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
9. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.
10. *Бурдьё П.* За рационалистический историзм. URL: <http://bourdieu.name/content/za-racionalisticheskij-istorizm>
11. *Гавришина О.В.* Историческая наука в ситуации постмодерна. По материалам работы Ф.Р. Анкерсмита «Эффект реальности в трудах историков» (Обзор концепции) // Культура и общество в Средние века – раннее Новое время. Методологии и методики современных зарубежных и отечественных исследований: Сборник аналитических и реферативных обзоров / ИНИОН РАН, РГУ. М.: ИНИОН, 1998.
12. *Гавришина О.В.* История и теория, или Современный образ исторической дисциплины (Рец. на кн.: *Тош Д.* Стремление к истине. М., 2000; *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М., 2000) // Новое литературное обозрение. 2002. № 54.

¹ Подробному описанию этих программ и институтов, работающих с молодежью в данном направлении, посвящена коллективная статья немецких историков 2012 года «Прикладная история, или Публичное измерение прошлого» [2].

13. *Гавришина О.В.* История как текст. (Рец. на кн.: *Уайт Х.* Метаистория. Екатеринбург, 2002) // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
14. *Давыдов Ю.Н.* Социальная философия постмодернизма и ее садомазохистские импликации? // История теоретической социологии. Т. 4. М.: Канон-Пресс, 1997.
15. *Деррида Ж.* Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000.
16. *Деррида Ж.* Страсти // Socio-Logos`96: Альманах Российско-французского центра социологических исследований РАН. М.: Socio-Logos, 1996.
17. *Доманска Э.* Философия истории после постмодернизма. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010.
18. *Зверева Г.И.* Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (Дискурсивный анализ публикаций последних лет) // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
19. *Зверева Г.И.* Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Общественные науки и современность. 2006. № 1.
20. *Иллерицкая Н.В.* Что нас ждет за «поворотами» историографии? // Вестник РГГУ. 2012. № 4. С. 276–288.
21. *Ирхин Ю.В.* Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Политика. 2006. № 4. С. 136–161.
22. *Кукарцева М.А.* Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века // Диалог со временем. Вып. 24. М.: Едиториал УРСС, 2008.
23. *Кукарцева М.А.* Аналитическая философия истории: вчера и сегодня // Полигнозис. 2009. № 3 (36). С. 62–71.
24. *Кукарцева М.А.* Вместо введения // *Доманска Э.* Философия истории после постмодернизма. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010.
25. *Кукарцева М.А., Коломоец Е.Н.* Историография и историческое мышление (аналитический обзор) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. № 2. С. 31–49.
26. *Кукарцева М.А., Мегилл А.* Философия истории и историология: грани совпадения. URL: <http://refdb.ru/look/1137605.html>
27. *Мегилл А.* Послесловие к русскому изданию // *Домански Э.* Философия истории после постмодернизма. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 390–397.
28. *Миллер А.И.* Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. № 3–4. URL: <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/>
29. *Молодяков В.* Историческая политика и политика памяти // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. Т. III. М.: АИРО-XXI, 2012.
30. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
31. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
32. *Олейников Д.И.* Выбираясь из зеркального лабиринта: преодоление постмодернистского подхода к истории в «нулевые» годы XXI в. // Будущее нашего прошлого: Материалы научной конференции. Москва, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 193–200.
33. *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. М., 1996.
34. *Репина Л.П.* Новая историческая наука и социальная история. М.: Издательство ЛКИ, 2009.
35. *Ринген С.* Демократия: куда теперь? // Логос. 2004. № 2.
36. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 8–25.
37. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. СПб.: Наука, 2003.
38. *Филюшкин А.И.* Постмодернистский вызов и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. Философско-культурологический журнал. 2000. № 3. С. 67–78.
39. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.

40. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999. London – Thousands Oaks – New Delhi, 2000.
41. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2004. 49. Kellner H. Describing Redescriptions // A New Philosophy of History. Edited by Frank Ankersmit and Hans Kellner. Univ. of Chicago Press, 1995.
42. Шартье Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // Одиссей. 1995. М., 1995. 50. Munslow A. Deconstructing History. L.; N.Y., 2003.
43. Ястребицкая А.Л. О культурно-диалогической природе историографического // XX век: методологические проблемы исторического познания: Сборник обзоров и рефератов. Ч. 1. М., 2001. 51. Murphey M.G. Truth and History. N.Y., 2009.
44. Bauman Z. Postmodernity and Its Discontents. Cambridge, 1997. 52. Reconstructing History. The Emergence of a New Historical Society / Ed. by Fox-Genovese E., Lasch-Quinn E. N.Y.; London, 1999.
45. Breisach E. On the Future of History: the Postmodernist Challenge and Its Aftermath. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2003. 53. Rinno J. Postmodern Politics and Phenomenology of the Life-Word Capitalism, Governance and Community // World Capitalism, Governance and Community: Toward a Corporate Millenium. Abstracts of Paper Presented at the XVIII World Congress of the International Political Science Association / Ed. by J. Coakley., J. Laponce. Canada, 2000.
46. Evans R.J. In Defence of History. L., 2000. 54. Western Historical Thinking. An Intercultural Debate / Edited Jorn Rusen. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2002.
47. Geiss P., Le Quintrec G. Histoire/ Geschichte – L'Europe et le monde depuis 1945. Paris: Nathan-Klett, 2006.
48. Gibbins J., Reimer B. The Politics of Postmodernity // SAGE Publications.

Аннотация. В статье анализируется поворот европейской исторической науки к постмодернизму, его причины и последствия в контексте общественно-политических тенденций в развитии Европы последней трети XX – начала XXI века. В центре внимания – ценностный кризис европейской исторической науки, в первую очередь, философии истории, которая под воздействием постмодернизма отказалась от позитивистских представлений об объективности и истинности как основных ценностях исторического познания. В результате этого ведущие европейские методологи истории пришли к выводу, что новый смысл исторической науки состоит в установлении и поддержании общественного консенсуса по поводу тех или иных политических тенденций. В конкретных условиях начала XXI века это привело европейских историков к поиску исторических оснований единства Европы.

Ключевые слова: постмодернизм, философия истории, европейская историческая наука, историография, память, микроистория, лингвистический поворот.

Lyubov Bibikova, Ph.D. in History; Lecturer, Higher School of State Audit, Lomonosov Moscow State University; Executive Editor, The Russian Idea (politconservatism.ru). E-mail: ulianovalv@gmail.com

Postmodernism and the Value Crisis of the European Historical Science

Abstract. The article analyzes causes and consequences of the shift towards postmodernism in Europe's historiography against a background of social and political trends in Europe in the late 20th-early 21st century. The text focuses on the crisis of values

in European studies of history, and, above all, the philosophy of history, which has been driven by postmodernism to eschew classical positivist notions of objectivity and validity as the fundamental values of historical knowledge. Consequently, leading European historical methodologists have arrived at the conclusion that historical science is predominantly aimed at reaching and maintaining public consensus on various political trends. The state of affairs in the 20th century impelled European historians to search for the roots of the European unity.

Keywords: Postmodernism, Philosophy of History, Historical Science of Europe, Historiography, Memory, Microhistory, Linguistic Shift.

Л.В. Поляков. Хочу напомнить, что Юрген Хабермас именовал постмодернистов младоконсерваторами. В европейском сознании, по крайней мере в одном из мировоззрен-

ческих лагерей, феномен постмодернизма опознавался как нечто консервативное. И это очередной вызов тем, кто размышляет о консерватизме.